

Раздел 4 Филология и литературоведение

А.Ю. Благовестный

ЧАРЛЬЗ КИНГСЛИ И ЕГО РОМАН «ИПАТИЯ»

Ивановский государственный химико-технологический университет

На примере романа «Ипатия» рассматривается вопрос об актуальности изучения исторической беллетристики английского романиста поствальтерскоттовской эпохи Чарльза Кингсли.

До сих пор английская историческая романистика середины-второй половины XIX века и историческая беллетристика Ч. Кингсли в частности не становились предметом специального изучения и открыты для исследования. Актуальность подобной работы определяется также и тем, что в ее рамках представляется возможным рассмотреть целый ряд вопросов, связанных с поэтикой, поисками инвариантных особенностей, рассмотрением эволюции, типологии и традиций исторического романа в различных национальных литературах. Вокруг них до сих пор ведется научная дискуссия. В связи с этим для нас представляет большой интерес работа В.Я. Малкиной «Поэтика исторического романа», в которой собран солидный библиографический материал по проблемам дефиниции жанра, поиска его доминантных признаков, разработки его типологии, свидетельствующий о неоднозначности оценок исследователей, изучающих данный круг проблем.

Выделяя основные особенности исторических романов, В. Я. Малкина говорит об обязательном сочетании в каждом из них историзма и «готического антропологизма» (термин В. Я. Малкиной) [3, с. 73]. Под «готическим антропологизмом» автор понимает ценностное отношение к личности, свойственное «готическим» романам, в которых утверждалась незыблемость нравственной природы человека и основных этических ценностей человечества [3, с. 73]. Рассматривая проблему историзма, В. Я. Малкина считает, что верны следующие определения данного понятия. Первое принадлежит исследователю М. Г. Соколянскому, полагавшему, что «историзм – это принцип художественного освоения действительности, базирующийся на понимании закономерностей развития и временной детерминированности общества и предполагающий наличие у автора определенной исторической концепции» [цит. по: 3, с. 17]. Эту дефиницию В. Я. Малкина предлагает дополнить «гипотезой нетождества» М. И. Стеблина-Каменского, акцентировавшего внимание на проблеме историчности человеческой психологии. Подлинный историзм, по мнению ученого, «появляется не тогда, когда замечается разница в образе жизни, быте и т. п., а тогда, когда осознаются отличия в человеческой психологии» [цит. по: 3, с. 17].

Исследовательницей отмечаются также следующие аспекты жанровой сущно-

сти исторического романа: 1) композиционно-речевые формы и система точек зрения (временная дистанция – соединение точек зрения различных эпох – прошлого и настоящего, или прошлого и пра-прошлого); 2) сюжетная организация (авантюренность, то есть связь сюжетных событий с «чужим миром» и «авантюрным временем», идея испытания героя, кризисная эпоха как время действия романа, соединение тем «войны и любви», то есть общественной и частной жизни); 3) система персонажей (связь судьбы и позиции главного героя с меняющейся исторической ситуацией, наличие персонажей, противопоставленных друг другу в качестве представителей разных социально-исторических и культурно-исторических сил) [3, с. 126].

Пристальное внимание литературовед уделяет творчеству В. Скотта и представляет подробный библиографический обзор работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных его исторической романистике. Сравнивая исторические романы В. Скотта и В. Гюго, В. Я. Малкина акцентирует внимание на соотношении вышеупомянутых особенностей жанра: «...Налицо два типа соотношения историзма и «готического антропологизма», которые сочетаются с двумя типами конфликтов. У В. Скотта – конфликт между политическими лагерями, кризис государственной системы, переломная эпоха в истории страны. У Гюго – смена культурных эпох, переломная эпоха в истории человечества. Скотта интересует конкретный исторический момент, специфика определенной эпохи. Гюго – связь между прошлым и настоящим. Скотт подчеркивает дистанцию, различия между двумя эпохами, Гюго – сходство и взаимосвязь между ними» [3, с. 74].

Исходя из этого, В. Я. Малкина предлагает следующую типологию исторических романов. **1) Авантюрно-психологический роман**, для которого выделяются следующие особенности: а) преобладание историзма над «готическим антропологизмом»; б) автора интересует определенный исторический момент; в) конфликт, который выражается в политическом кризисе и связан со спецификой эпохи; г) герой – частный человек, вовлеченный помимо воли в социально-политический конфликт; д) обязательное присутствие исторических персонажей; наличие нескольких «пар» так или иначе сопоставленных друг с другом персонажей, которые нужны, чтобы показать смену эпох как смену присущих им характеров. **2) Авантюрно-философский роман**. Для него характерно: а) преобладание «готического антропологизма» над историзмом; б) акцентируется связь между прошлым и настоящим; в) в основе сюжета – не обретение молодым человеком социального статуса, а проверка нравственно-этических ценностей определенной культуры; г) соотнесение нескольких равноправных центральных персонажей выражает соотношение основных культурных ценностей в момент кризиса культуры; д) небольшая роль исторических лиц [см. 3, с. 126].

Наблюдения и выводы В. Я. Малкиной базируются на анализе (за исключением произведений Скотта и Гюго) исторической беллетристики российских авторов, носят дискуссионный характер, однако они помогут нам выработать собственные исходные теоретические позиции в вопросе жанровой специфики исторического романа, его инвариантных признаков и критериев типологической характеристики, что представляется нам необходимой предпосылкой изучения поэтики художественно-исторической прозы Ч. Кингсли.

Традицию английского исторического романа, заложенную В. Скоттом, продолжили такие мастера социально-психологической прозы 1830 – 60-х годов, как У. Теккерей (W. Thackeray, 1811–1863) – «История Генри Эсмонда» (*The History of Henry Esmond, Esquire*, 1852), «Виргинцы» (*The Virginians*, 1857–1859), Д. Элиот (D. Eliot, 1819–1880) – «Ромола» (*Romola*, 1863), Э. Гаскелл (E. Gaskell, 1810–1865) – «Поклонники Сильвии» (*Sylvia's Lovers*, 1863) Историческая беллетристика Ч. Кингсли стоит в

одном ряду с творчеством таких популярных в свое время, а ныне полузабытых авторов исторических романов, как Э. Д. Булвер-Литтон (E.G. Bulwer-Lytton, 1803–1873), «Последние дни Помпеи» (*The Last Days of Pompeii*, 1834), «Риенци – последний из римских трибунов» (*Rienzi – the Last of the Roman Tribunes*, 1835), «Последний барон» (*The Last of the Barons*, 1843), У. Эйнсворт (W. Ainsworth, 1805–1882) – «Гай Фокс» (*Guy Fawkes*, 1841), «Старый собор святого Павла» (*Old Paul's*, 1841), «Виндзорский замок» (*Windsor Castle*, 1843), «Ланкаширские ведьмы» (*The Lancashire Witches*, 1848), Ч. Рид (Ch. Reade, 1814–1884) – «Монастырь и домашний очаг» (*The Cloister and the Hearth*, 1861), «Звонкая монета» (*Hard Cash*, 1863), «Гриффит Гонт, или Ревность» (*Griffith Gaunt, or Jealousy*, 1866). Л. Фейхтвангер в своем неоконченном исследовании «Дом Дездемоны, или Величие и границы исторической поэзии» писал по поводу этих авторов, что они были в свое время «безмерно переоценены, а сегодня находятся в полном небрежении, и это несправедливо» [4, с.558]. Это действительно несправедливо, так как книги этих писателей являются неотъемлемой частью литературного процесса, до сих пор издаются на родине и за рубежом и востребованы читателем [см., например, 2].

Романист Чарльз Кингсли (Ch. Kingsley, 1819–1875) по роду своей основной деятельности был теологом, проповедником, историком церкви. Окончив курс богословия в Кембридже, он получил место приходского священника в Гемпшире, где и прожил почти всю жизнь, изредка совершая поездки в Лондон и на континент. Будучи противником школы Ньюмана, который защищал теорию «развития догматов» и принцип свободной от схоластических рамок «открытой теологии», Кингсли видел в его учении только проповедь нездорового аскетизма и клерикального догматизма. Он увлекался трудами Карлейля и усердно изучал «Царство Христа» (*Kingdom of Christ*, 1838) Д. Мориса, проповедовавшего в отличие от Ньюмана не возврат к первобытной церкви, а веру в непосредственное и непрерывное откровение божественного начала в человеческой жизни. Следует отметить, что Морис был лидером движения христианского социализма и полагал, что христианская мораль и труд – основополагающие ценности для человека. Близко общаясь с ним, Кингсли также стал сторонником идеи «христианской демократии». К тому же сам Кингсли, являясь адептом протестантизма, всегда яростно выступал против католичества. Работая над улучшением нравов в своем запущенном приходе, Кингсли обратился за советами к Морису и вскоре примкнул к начатому по его инициативе «христианско-социальному» движению, развитию которого содействовал статьями в журналах «Политика для народа» (*Politics for the people*) и «Христианский социалист» (*Christian Socialist*), выходящими под псевдонимом «Пастер Лот» (Parson Lot) в конце 1840 – начале 50-х годов. В том же духе христианского социализма Кингсли была произнесена наделавшая много шума проповедь: «Послание церкви к рабочим» (*The Message of the Church to the Laboring Man*); из-за нее Кингсли едва не был лишен права проповеди, а с другой стороны, приобрел большую популярность среди рабочих. С 1860 по 1869 годы он занимался преподавательской деятельностью в качестве профессора истории Кембриджского университета. В 1873 году был назначен духовником королевы.

Литературное творчество Кингсли стало своего рода продолжением его проповеднической религиозной деятельности и так или иначе связано с актуальными проблемами и историей христианства. Не случайно в единственной оказавшейся доступной нам на сегодняшний день зарубежной литературоведческой работе, посвященной Кингсли, ее автор, американская исследовательница Л. Фэстик особую роль в анализе его романистики отводит влиянию христианской религии, ее, в частности, интересуется гендерный аспект в произведениях английского романиста – вопрос о взаимоотношении женского и мужского начала и их видоизменении под воздействием христианства [5].

Творческий путь писателя начинается с романов, проникнутых идеями и духом «христианского социализма»: «Брожение» (*Yeast*, 1850) и «Олтон Локк» (*Alton Locke*, 1850). Впоследствии в творческом арсенале писателя оказываются романы «Главк, или Чудеса берега» (*Glaucus, or the Wonders of the Shore*, 1855), «Герои» (*Heroes*, 1856), «Дети вод» (*The Water-Babies*, 1863), которые из-за обилия фантастических и сказочных элементов и персонажей могут быть отнесены к жанру «фэнтези». В. Л. Гопман в статье, посвященной этому жанру, называет Кингсли создателем особой жанровой разновидности «фэнтези» – так называемой «христианской фэнтези» [1, с. 1088].

Перу Кингсли принадлежат следующие исторические романы – «Ипатия, или Новые враги в старом обличье» (*Hypatia, or New Foes with Old Faces*, 1853), «Эй, на Запад!» (*Westward Ho!*, 1855), «Два года назад» (*Two Years Ago*, 1857), «Херевард Бодрый» (*Hereward the Wake*, 1866). Также он писал трактаты, лекции и проповеди на разные темы.

Самым известным произведением Кингсли является исторический роман «Ипатия». Действие романа происходит в Александрии V в. н. э. В центре повествования трагедия жизни античного философа, астронома, математика Ипатии, которую обезумевшая толпа христианских фанатиков растерзала острыми устричными раковинами в 415 году н. э. Следует отметить, что образ Ипатии привлекал внимание многих авторов. К нему, в частности, обращались Дж. Толанд, Вольтер, Ш. Леконт де Лиль, Ф. Маутнер. Кингсли создает свой оригинальный роман со своей специфической трактовкой этого образа.

В романе описана Александрийская философская школа, которую возглавляли заглавная героиня романа и ее отец математик Теон. Эта школа являлась средоточием поздней эллинистической культуры. В произведении представлены такие значительные исторические фигуры, как глава Александрийского христианства Кирилл, косвенно спровоцировавший убийство Ипатии, и птолемейский епископ Синезий. Особую роль в романе играют сюжетные линии вымышленных персонажей – монаха Филимона и его сестры Пелагии, а также ученика Ипатии Рафаэля Эбен-Эзры. В центре романа образ Ипатии, философа, окруженного восторженными учениками, талантливого математика и непримиримого носителя языческой культуры. Ей противопоставит архиепископ Кирилл, который не может мириться с мыслью, что христианская вера еще не восторжествовала во вверенном ему городе и рассматривает Ипатию в качестве своего идейного врага и основной помехи на пути к осуществлению честолюбивых планов по полному захвату власти.

На примере Ипатии Кингсли старается донести до читателя свою основную идею – показать внутренний дефект, неполноценность язычества перед истинной верой, которое в итоге уступает христианству. Ее образ развенчивается писателем, когда два ученика и друга заглавной героини Синезий и Рафаэль Эбен-Эзра отказываются от ее учения и находят себя в христианстве. Симпатии автора явно на стороне Синезия, этот образ намного более значим для него, чем образ самой Ипатии; в нем воплощается идея истинного духовника, пастыря, борющегося за благополучие своей паствы и, с другой стороны, античного аристократа, сохранившего в себе только самое лучшее от увядающей эллинистической культуры. Он является носителем основных идей Кингсли как теолога. Тлен и безумие язычества обнаруживает и монах Филимон, столкнувшийся с учением Ипатии и осознавший его порочность без христианской веры.

Основной конфликт романа, противостояние между Ипатией и архиепископом Кириллом, двумя непреклонными представителями различных культур, разрешается в пользу последнего. Гибель главной героини – неизбежна, но при этом Кингсли не может оправдать христианский фанатизм Кирилла и его изуверские методы в достижении цели – обман, запугивания, интриги, убийства.

Проблематика романа, направленная на отстаивание идеалов христианской морали и труда, проведение которых в жизнь автор связывал не в последнюю очередь с деятельностью истинного пастыря, выбор сложной, кризисной и переходной исторической эпохи, созвучной конфликтам и борениям современности (мощное рабочее движение, связанное в том числе с идеями чартизма и христианской демократии), динамичный и напряженный сюжет, психологически индивидуализированные, многомерные характеры героев, высокая познавательная ценность свидетельствуют о своеобразии романа и литературного наследия Кингсли в целом и делают актуальным специальное изучение его творчества. Обращение к тематике, важной для каждого человека, и читательская популярность этого писателя делают его полноправным участником литературного процесса середины – второй половины XIX века и возникающей на его основе литературной коммуникации. Без учета особенностей его творчества характеристика литературного процесса была бы неполной. Кроме того, специальное изучение исторической романистики Ч. Кингсли и поэтики романа «Ипатия» даст возможность в будущем проследить особенности развития жанра в английской литературе поствальтерскоттовской эпохи.

Список использованной литературы

1. **Гопман В. Л.** Фэнтези // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А. Н. Николюкина. М, 2001. Ст. 1161-1164.
2. **Кингсли Ч.** Ипатия // Маутнер Ф., Кингсли Ч. Ипатия. Харьков, 1994. С. 227-509.
3. **Малкина В. Я.** Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра. Тверь, 2002.
4. **Фейхтвангер Л.** Дом Дездемоны // Фейхтвангер Л. Собр. соч. в 6 томах. Т. 6, кн. 1. М., 1990. С.541-678.
5. **Fasick L.** Christian manliness and fatherhood in Charles Kingsley's writings // Victorian Newsletter, N.Y., 2003.

И.В. Долинина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ ПРАВЕДНЫЙ В ЦИКЛЕ Н.С. ЛЕСКОВА «ПРАВЕДНИКИ»

Ивановский государственный химико-технологический университет

*В статье автор рассматривает разноаспектное содержание художественного концепта **праведный** в дискурсе цикла «Праведники» Н.С. Лескова. Анализ репрезентантов концепта позволяет выявить существенные характеристики языкового сознания автора, обозначить динамику его развития, раскрыть отличительные свойства ментального мира знаменитого писателя.*

«Волшебник слова» – это определение давно стало общим местом во всех работах, посвященных изучению творчества известного русского писателя-классика